

Подарок из прошлого

О Мяксе, Леушинском монастыре и обретении неизвестных автографа Иоанна Кронштадтского и фотографии игуменни Таисии

Древнейшие сведения о Мяксинском приходе

Село Мякса (до революции – Спасское-на-Мяксе) является одним из древнейших поселений Череповецкого края. Первое упоминание о нем в исторических источниках относится к первой четверти XV века. В этот период в Москве митрополитом Московским и Всея Руси Фотием основывается Новинский монастырь. Новая московская обитель почти сразу же получает от благодетелей обширные земельные владения.

В первой четверти XV века Евфросинья, вдова боярина Ивана Андреевича Бутурли и ее сын троицкий чернец Геннадий Бутурлин дарят Новинскому монастырю село Спасское (Мяксу) с деревнями, пустошами, пожнями, перевесами (птичьими ловлями), на реках Шексне и Мяксе, и рыбные ловли: в Сомовском сзуде две части, в Шубальском – три, в Мяксе – две, в Шарском – полторы и в Молбенском – полночи.

Во владении Новинского монастыря Мякса находилась на протяжении нескольких веков. Важно отметить, что уже в документах начала XV века она называется селом Спасским, что свидетельствует о наличии в ней храма во имя Спасителя. А значит, основание Мяксинского прихода следует относить либо к самому началу XV века, либо к более раннему времени. Немногие сельские приходы имеют столь древнюю документально подтвержденную историю.

Описание древней монашеской области, располагавшейся в окрестностях Мяксы

Но не только древность Мяксинского прихода заставляет нас с интересом вглядываться в его прошлое. Замечательна сама местность, в которой было основано это село. В начале XVII века Мякса в буквальном смысле была окружена иноческими обителями.

Всего в 7 километрах на запад располагалась Досифеева пустынь, основанная преподобным Досифеем. Согласно преданию, большое участие в судьбе этой обители принял Иван Грозный. Рассказывают, что когда царь «ехал в Кирилло-Белозерский монастырь, остановился против места, занимаемого пустыней, спутники его пошли по дорожке, которая от реки вела в густой лес. Троицника привела к келье, они начали стучаться, но достучаться не могли и воротились к царю, царь пришел к келье, нашел ее уже отворенною; только в келье никого не нашел, а нашел лампаду, псалтырь и камень, стоя на котором молился, по-видимому, затворник. На этом месте царь приказал построить монастырь во имя Рождества Иоанна Предтечи, потому что 24 июня случилось царю найти келью. Впрочем церковь Предтеченская не была кончена, а в монастыре была построена церковь во имя Св. Троицы, с приделом в честь св. беззребренников

Космы и Дамиана. Имя затворника по местному преданию было Досифей, но предание не объясняет, откуда сделалось известным его имя, и когда он скрывается».¹

На северо-западе от Мяксы располагался достаточно крупный и влиятельный в свое время Николо-Выкшинский монастырь, основанный преподобным Азарием и получивший широкую известность после пострижения в нем последней жены Ивана Грозного Марии Нагой (в иночестве – Марфы) – матери святого царевича Димитрия Угличского.

В 15 километрах на север находился другой крупный монастырь Успенская Воронина пустынь, основанная в 1524 году иноком Марком Вороной на месте чудесного явления иконы Божией Матери Одигитрии Воронинской. Празднование этой чудотворной иконе совершается и поныне (10 августа по новому стилю), несмотря на то, что образ Одигитрии Воронинской утрачен.

Чуть дальше на север располагался самый крупный и влиятельный на территории края Череповецкий Воскресенский монастырь, основанный учениками преподобного Сергия Радонежского Афанасием и Феодосием Череповецкими. Эта обитель на протяжении нескольких веков являлась домовою вотчиною московских митрополитов, а затем патриархов. В XV веке ей был присвоен статус архимандритии. Интересно, что Воскресенский монастырь получил этот статус на 100 с лишним лет раньше, чем знаменитая Троице-Сергиева Лавра.

На северо-востоке от Мяксы находилась Дмитриевская на Югу пустынь, исторических сведений о которой сохранилось немного. Но до нас дошли устные предания о бескорыстии и доброте насельников этой обители. Вот одно из них.

«Как-то в соседней с монастырем деревне случился сильный пожар, причем выгорели все жилые и хозяйственные постройки, и крестьяне с маленькими детьми остались без крова. Монахи, узнав об этом, решили между собой:

- Это бедствие послано для испытания нашей веры в Бога. Мы приняли обет нестяжания. И именно сейчас решается: сможем ли мы оставить земные блага, ради любви к ближним. Давайте, отдадим крестьянам все наше имущество, а сами поселимся в другом месте.

*Не нашлось никого, кто бы воспротивился этому решению, высказанному в порыве любви и сострадания. Монахи оставили крестьянам все постройки своей обители со скудным монашеским скарбом, с собой же взяли только иконы, богослужебные предметы и книги и удалились за несколько верст. Там они срубили для себя новые кельи. Не одно столетие прошло с тех пор, но предание о благородном поступке монахов до сих пор живо среди местных старожилов».*²

На юго-востоке от Мяксы подвизался замечательный русский святой – преподобный Игнатий Ломский, ставший ос-

1. Новгородский Сборник. Выпуск 5-й. Череповецкий уезд. Новгород. 1866 г. с. 76-77.

2. Церковь Преображения Господня в Мяксе. СПб, 2009. с. 26-27.

План Леушинского монастыря, февраль 1930 г. За основу взят план, переданный председателем Мяксинского райисполкома в Череповецкий окрадротдел

нователем двух иноческих обителей: Спасо-Ломского и Вадожского Богородицкого монастырей, располагавшихся неподалеку друг от друга. Еще при жизни Игнатий Ломский прославился даром чудотворений и молитвы. Не прекратились чудеса и исцеления по молитвам преподобному и после его блаженной кончины. Ныне мощи преп. Игнатия Ломского покоятся под спудом в недействующей церкви села Спас-Лом бывшего Мяксинского (ныне Череповецкого) района.

На юге от Мяксы располагалась еще одна небольшая обитель, о которой не сохранилось никаких исторических источников. Только народные предания позволяют приоткрыть завесу тайны над судьбой этого маленького монастыря. Из рассказов старожилов мы узнаем, что находился он на территории ныне несуществующего села Афанасова, был полностью разорен в период Смутного времени и больше не возобновлялся.

На юго-западе от Мяксы располагалась Преображенская пустынь, что в Езовых, а чуть дальше Златоустовская Ройская пустынь, которая в XVI веке была приписана к Череповецкому Воскресенскому монастырю.

Недалеко от Мяксы находились также вотчины знаменитых Кирилло-Белозерского (село Санниково) и Ферапонтова (село Козохта) монастырей. На территории вотчин, как известно, также подвизались иноки – посельские старцы.

Монахи жили и на территории самого села Мяксы, так как здесь на протяжении нескольких столетий располага-

1. Хутор Крестик (Иоанно-Богословский скит с действующей церковью Иоанна Богослова). Располагается в 1 км от монастыря. Проживает 48 монахинь.
2. Хутор Савинское (Успенский скит с действующей церковью Успения Пресвятой Богородицы). Располагается в 1 км от монастыря. Проживает 45 монахинь.
3. Скотный двор совхоза (бывший монастырский скотный двор). Согласно дореволюционным планам монастыря и воспоминаниям старожилов скотный двор располагался правее (это его местоположение отмечено пунктиром).
4. Богадельня. Проживают 26 монахинь (24 больных и престарелых и 2 монахини, ухаживающие за ними).
5. Клуб (бывший игуменский корпус с домовою церковью Спаса Нерукотворного).
6. Квартиры служащих детской колонии (келейный корпус; до 1902 года здесь располагалась Леушинская учительская школа).
7. Бывшая часовня.
8. Фельдшерский пункт.
9. Школа детской колонии (бывший келейный корпус).
10. Действующий собор Похвалы Богородицы.
11. Квартиры служащих (бывший келейный корпус).
12. Действующий Троицкий собор.
13. Профтехшкола (бывшие богадельня, трапеза, колокольня и домовая церковь).
- 14-16. Квартиры рабочих (бывшие просфорная, хлебопекарная и келейный корпус).
- 17-18. Частные дома. Проживает 20 монахинь.
19. Кооператив (бывшие дома членов причта).
20. Корпус, принадлежащий детской колонии (бывшие гостиницы для приезжих и церковно-приходская образцовая школа).
21. Электростанция и мельница.
22. Недействующая церковь Иоанна Предтечи (на плане отмечена не была).

лись владения крупного и влиятельного Московского Новинского монастыря – домовою вотчины московских митрополитов и патриархов.

Как видим, село Мякса находилось в центре одной из областей монашеских, одного из тех мест, которые в своей совокупности создали уникальное явление, ныне с легкой руки писателя и путешественника XIX века А.Н. Муравьева получившее название «Северная Фиваида». Вот как сам Андрей Николаевич пишет об этом:

«Кто знает этот наш чудный мир иноческий, нимало не уступающий Восточному, который внезапно у нас самих развился, в исходе XIV столетия и в продолжение двух последующих веков одушевил непроходимые дебри и лесистые болота родного Севера? На пространных более 500 верст, от Лавры до Белоозера и далее, это была как бы одна сплошная область иноческая, усеянная скитами и пустынями отшельников, где уже мирские люди как бы вынуждены были, вслед за ними, селиться и составлять свои обительные грады там, где прежде обособились одни лишь кельи. Преподобный Сергий стоит во главе всех, на южном краю сей чудной области и посылает внутрь ее своих учеников и собеседников, а преподобный Кирилл, на другом ее краю, приемлет новых пришельцев и расселяет обители окрест себя, закидывая свои пустынные мрежи даже до Белого моря и на острова Соловецкие»³

Конечно, Андрей Муравьев немного преувеличил, сказав, что обозначенная территория являлась сплошной об-

Мяксинский погост. Фото конца XIX века.

ластью иноческой. Монастыри распределялись неравномерно. В некоторых местах в радиусе десяти километров стояло несколько монастырей. В других – можно было проехать не одну сотню верст и не встретить ни одной обители. Например, на территории обширного Кадуйского района располагался всего один монастырь – Филиппо-Ирапская пустынь. Поэтому сосредоточение иноческих обителей в одном месте, как это наблюдается в окрестностях Мяксы, нельзя назвать явлением широко распространенным, а для территории Череповецкого благочиния оно и вообще уникально.

При этом важно отметить, что перечисленные выше монастыри были основаны не князьями и боярами, а монахи-пустынниками, которые из любви к Господу удалились в глухие северные леса. Пусть не все основатели мяксинских обителей были прославлены в лике святых, но, вряд ли мы ошибемся, если скажем, что многие из иноков, селившихся здесь, были истинными угодниками Божиими. К сожалению, имена и подвиги большинства из них в силу разных обстоятельств не дошли до нас. Но уже сам факт, что места их подвижнической жизни не опустели, говорит о многом. И можно жителей Мяксинского края назвать счастливыми людьми, так как они живут на земле, освященной молитвами и слезами многих угодников Божиих.

Упразднение монастырей Мяксинского края

К сожалению, судьба Мяксинской монашеской области оказалась трагична. Реформы Петра I, Анны Иоанновны и, особенно, Екатерины II насильственно прервали ее существование. В 1764 году по указу Екатерины II почти все обители упразднили. Исключение было сделано только для Успенской Ворониной пустыни. Но и она просуществовала недолго. Согласно народному преданию, погубила этот замечательный монастырь людская алчность. По рассказам старожилов, записанным в XIX веке, в селе Ильинском, находившемся в пяти верстах от обители, жил человек в высшей степени грубый, безнравственный и бесчеловечный. Настолько жестокий, что не пожалел даже своего родного сына и утопил его в кадке с водой. В то время часто ездили скупщики старинных икон и вещей. Выбрав очень бурную ночь с грозой, этот человек обокрал Воронинский монастырь, похитив явленную чудотворную икону Божией Матери, серебряные вещи, монастырскую казну, шелковые воздушы и пелены, и, чтобы скрыть преступление, устроил пожар монастыря, как будто от молнии. После пожара братия осталась без приюта. Поэтому Новгородский мит-

рополит Гавриил указом от 7-го октября 1792 года повелел перевести настоятеля Ворониной пустыни с братией в упраздненную Филиппо-Ирапскую пустынь.

Таким образом, монашеская жизнь в окрестностях Мяксы прекратилась. Постепенно были утрачены все постройки некогда многочисленных обителей. Часть из них разрушилась от ветхости, другая – сгорела. И к началу XIX века, казалось, уже ничто не напоминало об удивительном прошлом этой земли. Думается, что если бы Андрей Николаевич Муравьев и побывал здесь, он вряд ли бы считал необходимым добавить в свою книгу о Северной Фиваиде главу, посвященную Мяксинскому краю, так как писать было уже не о чем.

Конечно, было бы неправильным говорить, что места, где располагались иноческие обители, пришли в полное запустение и забвение. На территории почти всех упраздненных монастырей образовались православные приходы. (Исключение составила только Преображенская пустынь в Езовых).

В XIX веке свой расцвет переживает и Мяксинский приход. В нем возводятся два величественных каменных храма: Рождества Христова с приделом Казанской Божией Матери (1785) и Преображения Господня (1810). При настоятеле мяксинского прихода благочинном Мироне Богородском главный Преображенский храм внутри был украшен фресковой живописью, устроен новый иконостас, поднятый до сводов и весь вызолоченный на полимент червонным золотом. Можно представить насколько красиво было внутри храма. Старожилы до сих пор с восхищением рассказывают об этом.

Как видим, православная жизнь на территории Мяксинского края не прекратилась. Но все-таки с упразднением монастырей что-то важное оказалось утрачено. Стоит ли удивляться, что в XIX веке появляются робкие попытки возродить здесь иноческую жизнь. Например, рядом с Ворониной пустыней появляется небольшая женская община девственников, решивших посвятить себя Богу.

А незадолго до этого происходит историческое событие, которое тогда осталось совершенно незамеченным.

Основание Леушинского монастыря

В 1860 году из Ярославской губернии в Череповецкий уезд Новгородской губернии передается небольшая деревенька Замошье-Леушино – та самая, рядом с которой спустя полтора десятилетия возникнет знаменитый Леушинский монастырь. Интересно, что до передачи Череповецкому уезду эта деревня относилась к приходу Ройской пустыни, основанному, как уже сообщалось выше, на месте старинного монастыря. С 1860 года деревня Леушино стала относиться к приходу Досифеевой пустыни, некогда также являвшегося монастырским. Так что связь Леушинского монастыря с древней иноческой областью, о которой мы писали выше, несомненна. Эту связь почувствовала и настоятельница обители игумения Таисия, начавшая свою книгу по истории Леушинского монастыря с рассказа об иноческих обителях, располагавшихся в окрестностях Леушина.

Бросается в глаза и еще один интересный факт. Мы не случайно в начале статьи привели подробную цитату из книги, выпущенной в 1866 году новгородским статистическим комитетом, в которой сообщается, что главный храм

Досифеевой пустыни первоначально хотели освятить во имя Рождества Иоанна Предтечи, но это сделать не удалось. Обитель вошла в историю под названием Троицкой Досифеевой пустыни.

Древний замысел удивительным образом претворился в жизнь спустя 300 лет. 26 апреля 1860 года в деревне Леушино был заложен деревянный храм во имя Рождества Иоанна Предтечи. Интересно, что случилось это почти одновременно с припиской этой деревни к приходу Досифеевой пустыни.

17 июня 1862 года Иоанно-Предтеченский храм был освящен, а в 1864 году Леушинский приход получил самостоятельность. Мало кто мог тогда предположить, что этот небольшой приход, затерявшийся среди лесов и болот, станет со временем известным всей России.

Но, видимо, Леушино действительно было избрано Богом для возрождения монашеской жизни на месте, освященном молитвами древних иноков. Чудеса начинаются почти сразу после постройки церкви. Одна из храмовых икон, а именно образ Похвалы Божией Матери, оказался чудотворным. И в Леушино начинают притекать паломники даже из весьма отдаленных мест. Спустя некоторое время о чудотворной иконе узнает монахиня Рыбинского Софийского монастыря Сергия – уроженка села Щетинского, располагавшегося в 15 верстах от Иоанно-Предтеченской церкви, и решает обязательно посетить Леушино. Монахине Сергии очень понравился этот тихий и уединенный уголок, и возникло у нее благочестивое желание поспособствовать устройству здесь иноческой общины, чтобы и самой навсегда поселиться у благодатной церкви. Много потрудилась она, ища благотворителей, согласившихся пожертвовать свои капиталы на покупку земли для будущей обители и обеспечения ее всем необходимым, долго добивалась разрешения Св. Синода на устройство общины. Сами эти хлопоты сопровождалась удивительными событиями. Вот одно из них.

Монахини Сергии удалось склонить на покупку земли жену петербургского купца Максимова – Пелагию Федоровну. Но сам купец Максимов долго отказывался выкупить землю под монастырь у прежнего ее владельца помещика Каргопольцева, говоря: «Нам ли сооружать монастыри! Мы не праведники древние». Но неожиданно был вразумлен чудесным видением. Вот как описывает его игумения Таисия: «Монахиня Сергия опасалась даже, чтобы Каргопольцев не нашел другого покупателя, почему и не прекращала переписки с ним. Наконец, помещик Каргопольцев написал им решительно, что более ждать не может и, если не получит от них окончательного ответа, продаст имение другим желающим приобрести его. Когда дали Максиму это письмо, он, даже не прочитав его, отбросил с негодованием. Вдруг в эту же ночь видит он во сне, но так ясно, как бы наяву: входит в квартиру его ныне уже в Боже почивший высокопреосвященнейший митрополит С.-Петербургский Исидор в полном священническом облачении и, обращаясь к нему, говорит:

Собор Похвалы Богородицы. (№ 10 на плане)

*- Отчего ты не хочешь купить предлагаемого тебе имения?
- Не смею, Владыка Святый. – отвечает он, – это дело не нашей меры, да что пользы растлужать нищизн!
- Твое дело не рассуждать, а купить землю, и больше ничего!
- возразил святитель и вышел.*

Максимов тотчас же проснулся и искал глазами выходящего митрополита, но, поняв, что это было во сне, встал и тотчас же начал отыскивать отброшенное им письмо и прочитал его. На другой день он рассказал просительницам о своем сне и объявил, что согласен купить землю у Каргопольцева...»

В 1872 году в Леушине поселились первые насельники. Интересно, что приехали они по просьбе монахини Сергии из села Воронина, основанного, как уже отмечалось, на месте древней иноческой обители, имевшей, пожалуй, самую удивительную историю из всех монастырей Мясинского края. (Основана Успенская Воронина пустынь была на месте чудесного явления иконы Божией Матери). Так что связь Леушинского монастыря с древней иноческой областью Мясинской земли прослеживается и здесь.

В 1875 году определением Св. Синода монашеская община в Леушине была утверждена. А в 1885 году она была преобразована в общежительный женский монастырь. Правда, случилось это не при монахине Сергии, а при третьей настоятельнице – монахине (впоследствии игумении) Таисии, приехавшей в Леушино в 1881 году.

Леушинский монастырь при игумении Таисии

При игумении Таисии Леушинский монастырь достиг своего расцвета. В 1903 году он был причислен к I (высшему) классу. К началу XX века число насельниц выросло до нескольких сотен, а количество храмов в обители и двух ее скитах достигло семи. Несомненно, процветание монастыря главным образом является заслугой матушки Таисии, много потрудившейся не только в деле благоустройства Леушинского монастыря, но многих других обителей. Ее стараниями были возобновлены древние Ферапонтов монастырь и Антоние-Черноезерская пустынь, основаны Псковский Воронцовский монастырь, Парфеновский монастырь, Сурский Иоанно-Богословский монастырь (на родине святого

Леушинский монастырь, настоятельский корпус (№ 5-6 на плане). На заднем плане видны купола Похвальского собора. Крайний справа купол принадлежит домово́й церкви Спаса Нерукотворного при настоятельских кельях (№ 5 на плане).

Леушинский монастырь. Слева направо: Троицкий собор (№12 на плане). За ним видны купола Похвальского собора (№10 на плане); чуть правее – купол домово́й церкви при богадельне (№ 13 на плане) и надвратная колокольня (№ 13 на плане).

праведного Иоанна Кронштадтского). Поспособствовала игуменья Таисия и устройству Иоанновского монастыря в Санкт-Петербурге (в котором ныне покоятся мощи угодника).

Иоанн Кронштадтский регулярно посещал Леушинский монастырь. О его особом отношении к обители лучше всего свидетельствует рассказ игуменья Таисии о пребывании кронштадтского пастыря в Леушине в 1908 году:

«Это было уже последнее его посещение; он был уже очень слаб, почти ничего не мог кушать, мало разговаривал, все больше читал, уединялся, но служил ежедневно в соборном храме, который он всегда так хвалил и о котором говорил неоднократно, что ему легко в нем служить, о чем я уже упоминала. Пробыл он у нас в обители 9 дней, и в день отъезда спросил у меня: «Сколько дней я пробыл у вас, матушка?». Когда я ответила, то он продолжил: «Девятины справил по себе, уже больше мне не бывать у тебя. Спасибо тебе, спасибо за твоё усердие, за любовь, за все!» Сестры провожали его, как и обычно, с пением и со слезами, – всем было ясно, что бесценный светильник догорает. Когда мы с ним выехали из обители и, миновав деревню Леушино, свернули налево в поля, Батюшка стал все оборачиваться назад и глядел на обитель. Предполагая, что он забыл что-нибудь или хочет сказать едущим позади нас, я спросила его об этом, но он отвечал: «Любуюсь еще раз на твою обитель: тихая, святая обитель! Да хранит ее Господь; поистине с вами Бог!»⁵

Эти строки ныне невозможно читать без боли, так как Леушинский монастырь, который так любил святой, в советские годы был разрушен до основания.

Леушинский монастырь в первые послереволюционные годы.

Много скорбей пришлось перенести игуменья Таисии, поднимая среди лесов и болот Леушинскую обитель. В одной из своих книг она призналась, что каждый кирпичик храма Похвалы Богородицы обильно полит ее потом и слезами.

Но еще более скорбным оказался путь ее преемницы

игуменья Агнии, вставшей во главе Леушинского монастыря в 1915 году – незадолго до страшных революционных потрясений, обрушившихся на многострадальную русскую землю.

Местные старожилы рассказывают, что при игуменья Агнии в монастыре подвизалась юродивая старица по имени Нектария. Как-то незадолго до Октябрьского переворота зашла она в церковь и стала плясать. Настоятельница удивилась и говорит:

- Что же ты делаешь? Ведь в церкви плясать нельзя.

А та ответила:

- Так-то и будет.

Прошло совсем немного времени и в храме устроили клуб.

В другой раз игуменья пригласила Нектарию посмотреть, как отремонтировали монастырский корпус. Та, внимательно осмотрев, сказала:

- Все хорошо, только лучше будет, если в каждом углу по зыбке (колыбели) повешают.

Игуменья снова удивилась, а Нектария опять ответила:

- Так-то и будет.

Позже этот корпус отобрали у монахинь и устроили в нем школу.

Все эти горькие перемены, предсказанные старицей Нектарией, происходили на глазах игуменья Агнии.

Но обо всем по порядку.

В 1918 году начинаются беспрецедентные гонения на Церковь. Причем в первую очередь под удар безбожников попадают монастыри. Некоторые из них под давлением советской власти закрываются, другие преобразуются в коммуны и сельхозартели. Как показала дальнейшая история, только последний путь позволял сохранить монашескую жизнь на территории обителей еще некоторое время. И поэтому именно его избрали большинство существовавших тогда монастырей. Согласно официальным данным, в 1918 году 15 обителей, располагавшихся на территории Черепов-

4. Историческое описание Иоанно-Предтеченского Леушинского женского монастыря Череповецкого уезда, Новгородской губернии. – 1907. С. 20-21.

5. Сочинения игуменья Таисии (Солоповой). М., 2006. С. 167.

вещкой губернии, преобразуются в коммуны и сельхозартели.

В их число попал и Леушинский монастырь, который после Октябрьского переворота принимает статус Леушинской женской сельскохозяйственной трудовой артели. Новый статус, конечно, накладывал некоторые ограничения на жизнь монахинь, касающиеся, прежде всего, распорядка дня и повседневной одежды. Но фактически Леушинский монастырь продолжал жить прежней жизнью. Не прекращались богослужения в монастырских храмах, по-прежнему, а может быть и еще усерднее, возносились сестрами келейные молитвы. Участвовали монахини и в крестных ходах, хотя с каждым годом проводить их становилось все сложнее.

Первое серьезное столкновение с советской властью произошло в 1918 году. На 3 июня был намечен грандиозный крестный ход из всех окрестных приходов в Леушинский монастырь, но местные чиновники категорически запретили его проведение под угрозой применения силы. Пришлось ограничиваться проведением крестных ходов внутри монастырских стен.

Интересно, что случаи помощи Божией не прекращались даже в эти страшные годы. Вот один характерный пример.

Зимой 1918-1919 года в Ольховской волости, к которой тогда относился монастырь, был большой голод. Располагая сведениями, что в Леушинской обители остаются запасы продовольствия, председатель волисполкома Д.В. Афонюшкин решил их конфисковать. Если бы его намерения осуществились, монахинь ждала верная голодная смерть. Но что они могли противопоставить представителю власти? Только молитву и веру в заступничество Божией Матери. Главным щитом монахинь была чудотворная икона Похвалы Богородицы. Поэтому Игуменья Агния вышла на встречу председателю с крестным ходом, впереди которого 20 монахинь несли эту икону, а монастырский хор непрерывно исполнял церковные песнопения. Д.В. Афонюшкин, увидев чудотворный образ, был настолько ошеломлен и поколеблен, что вышел из саней, встал перед иконой на колени, помолился, приложился к ней устами и, сев в сани, возвратился в волисполком, ничего не сделав монахиням.

Местные власти столкнулись с парадоксальной ситуацией. Руководство страны всячески пропагандировало развитие коммун и сельхозартелей, так как именно в нем виделось залог успеха коммунистического строительства. Но большинство создаваемых сельхозпредприятий, основанных на полном обобществлении собственности, оказывались нежизнеспособны. Успешно развивались только коммуны и сельхозартели, образованные на базе монастырей. Поэтому чиновники вынуждены были некоторое время закрывать глаза на религиозные убеждения их работников.

Не стала исключением и Леушинская сельхозартель. Ее хозяйство было образцовым: обитель содержала больницу, приюты, богадельню, начала строить паровую мельницу и электростанцию. Стоит ли удивляться, что записи в «Книге для господ почетных посетителей Леушинского монастыря» первое время содержали похвалы и благодарности новых властей в адрес артели и ее руководительницы игуменьи Агнии.

Однако так продолжалось недолго. В 1922 году настоятельница обители была приговорена к 5 годам высылки, а в 1926 году вновь осуждена по статье 58 часть 11 («за антисоветскую агитацию»).

Сама Леушинская сельхозартель была преобразована в совхоз, во главе которого встали светские люди. Правда, основными работниками совхоза по-прежнему оставались монахини.

Выселение монахинь из Леушинского монастыря

В 1928 году Ленинградским облисполкомом принимается решение о ликвидации всех совхозов, коммун и сельхозартелей Ленинградской области, образованных на базе монастырей. Так как с 1927 года Леушино находилось в составе Мясинского района Череповецкого округа Ленинградской области, указанное решение непосредственно касалось и Леушинского монастыря.

При этом необходимо отметить, что руководство совхоза «Леушино» достаточно неплохо относилось к монахиням, так на них во всем можно было положиться, чего нельзя было сказать о местных крестьянах, прежде всего, бедняцкой их части, которые подчас злоупотребляли спиртным, да и работали ни шатко, ни валко. Если бы совхоз отказался от услуг монахинь, то оказался бы на грани разорения. С другой стороны, не выполнить решение центрального руководства было нельзя, так как в последнем случае местную администрацию вполне могли обвинить в поддержке «злостных антисоветских элементов», каковыми тогда считались монашествовавшие.

Поэтому руководство совхоза принимает компромиссное решение: удалить инокинь из монастыря, но разрешить им проживать вблизи обители и работать в совхозе по найму.

В 1929 году всех монахинь, проживавших на территории Леушинского монастыря, заставили покинуть свои кельи. Исключение было сделано только для престарелых и немощных монахинь, содержащихся в монастырской богадельне.

Большинство изгнанных из родной обители инокинь поселились в монастырских скитах: Иоанно-Богословском (он назывался местным населением «хутор Крестик») и Успенском (называемом «Хутор Савинский»), располагавшихся в 1 километре от монастыря. На жизнь они зарабатывали рукоделием (вязанием, вышиванием и т.д.), а в летнее время работали в совхозе по найму.

Правда, такое половинчатое решение совершенно не устраивало руководство округа, проводившего в 1929-1930 годах широкомасштабную работу по искоренению «религиозного дурмана» на подведомственной ему территории.

В начале 1930 года в Мяску направляется письмо из Череповецкого окрэдмотделения с пометкой «Срочно. Секретно», в котором содержалось требование принять все меры к выселению монашек с территории совхоза «Леушино».

Не выполнить решение руководства Мясинские чиновники уже не могли.

4 февраля 1930 года всем монахиням, в том числе проживавшим в Успенском и Иоанно-Богословском скитах, было объявлено требование в 10-дневный срок оставить свои кельи и покинуть Леушинский край. (Всего же монахинь на тот момент оставалось 154 человека). Решение.

несомненно, очень жестокое. Ведь инокини, по сути, обрекались на бездомную скитальческую жизнь, лишаясь всего, что имели: крова над головой, возделанных их потом и трудами огородов. А главное они лишались возможности жить в монастырских кельях и участвовать в регулярных богослужениях. А как тяжело было осознавать им, что, оставив монастырь, они обрекают на поругание и уничтожение замечательные храмы обители, созданные и благоукрашенные их трудами.

Руководство района отказалось предоставить выселяемым монахиням средства передвижения (лошадей и подводы). Так что идти приходилось пешком многие десятки верст. 29 монахинь сами передвигаться не могли, и их пришлось оставить в своих кельях.

Именно из-за этих 29 инокинь местному руководству пришлось провести не одну бессонную ночь, решая, как с ними поступить. Пока в окрестностях Леушина жили трудоспособные инокини, содержание престарелых и больных целиком ложилось на их плечи. С уходом последних вся ответственность перекладывалась на местную администрацию, что совершенно не входило в ее планы. Поэтому председатель мяксинского райисполкома посылает в Череповецкую окружную администрацию письмо с просьбой разрешить вопрос с выселением больных и престарелых монахинь, а именно предоставить им средства передвижения, соответствующее помещение и обслуживающий персонал. При этом чиновник писал, что оставление этих монашек в совхозе недопустимо, так как они могут служить объектом паломничества «разного рода нежелательного элемента», и вокруг них будут ютиться здоровые монашки, обслуживавшая больных. По его словам, отношение рабочих совхоза и населения деревни Леушино к монашкам явно отрицательно, особенно бедняцкой части, которым они до сих пор являлись конкурентами в работе на полях совхоза. Безоговорочное их выселение и ликвидация церкви Леушина безусловно будет иметь громадный положительный результат в смысле дальнейшего экономического и политического состояния совхоза.

Несмотря на столь веские доводы председателя райисполкома, дело с выселением монахинь растянулось на несколько месяцев. Но как бы то ни было, разрешить его удалось, и 1930-й год мы можем считать годом окончательного закрытия Леушинского монастыря.

Вопреки словам председателя райисполкома, выселение монахинь отнюдь не способствовало процветанию совхоза, так как он в одночасье лишился всех своих лучших работников. Но районная администрация не растерялась, найдя новое применение монастырским корпусам. Здесь размещается Ленинградская областная школа для трудновоспитуемых (ЛОШТВ № 3). Следует отметить, что детская колония находилась на территории обители еще до выселения монахинь, но именно в 1930-е годы детское исправительное учреждение приобретает в свою собственность значительную часть монастырских корпусов.

Будущих воспитанников школы для трудновоспитуемых, по воспоминаниям старожилов, ловили и свозили из Москвы, Ленинграда, других городов. Они обучались и работали в учебных мастерских, одна из которых (тракторная) размещалась прямо в храме. Порядки в школе были жестокие. Например, за большую провинность учеников раздевали, связывали, заворачивали сырой простыней, зи-

мой открывали настежь окна и оставляли на некоторое время. Позднее это дело раскрылось и воспитателей судили.

Так что место, где некогда возносились иноческие молитвы и славословия Богу, превратилось в место площадной брани, пыток и издевательств.

Что же произошло с монахинями?

Бывшие насельницы Иоанно-Предтеченского монастыря разошлись по разным местам. Часть из них поселилась на территории Мяксинского района. Часть удалась в другие районы: Череповецкий, Кадуйский, Шекснинский. Известно о пребывании Леушинских монахинь на территории других областей и даже союзных республик. Вместе с собой монахини уносили уникальные реликвии своей обители: книги, иконы, фотографии, письма. К сожалению, в годы гонений на веру большинство из них оказалось безвозвратно утрачено. Но часть реликвий сохранилась и продолжает обнаруживаться до сих пор. Так в 2004 году стало известно о существовании портрета игумении Таисии, принадлежавшего монахине Леушинского монастыря Павле. Обнаружен он был в Белоруссии. А в 2009 году был найден тайник другой Леушинской инокини, проживавшей в деревне Царево Череповецкого района. Об этой бесценной находке мы расскажем чуть позже, а пока поговорим о закрытии монастырских храмов и затоплении Леушинского монастыря.

Закрытие монастырских храмов и затопление монастыря

Перед революцией в Леушинском монастыре и двух его скитах находилось 3 часовни и 7 храмов (имевших в общей сложности 11 престолов):

1. Каменный собор Похвалы Богородицы (1891) с приделами Николая Чудотворца и архангела Михаила.
2. Каменный Троицкий собор (1906) с приделом Серафима Саровского;
3. Деревянная домовая церковь Спаса Нерукотворного при настоятельских кельях (1880);
4. Домовая церковь при богадельне;
5. Деревянная кладбищенская церковь Иоанна Предтечи (1862), положившая начало Леушинскому монастырю. Располагалась вне монастырских стен.
6. Деревянная кладбищенская церковь Успения Божией Матери в Успенском скиту (1891). Находилась в полутора километрах от монастыря.
7. Деревянная церковь во имя Иоанна Богослова (1899) в Иоанно-Богословском скиту («Крестик»). Располагалась в одном километре от монастыря.

Архивные источники позволяют установить историю закрытия всех монастырских храмов за исключением двух домовых (при настоятельских кельях и богадельне), специальное решение о закрытии которых, по-видимому, не принималось.

Первым, еще в 1928 году, был поднят вопрос о «ликвидации» деревянного храма Рождества Иоанна Крестителя. В ходатайстве мяксинских и череповецких чиновников о его закрытии отмечалось, что церковь требует срочного ремонта, выполнить который община отказывается. По словам районных чиновников, указанный храм верующим будто бы не нужен, так как они пользуются еще четырьмя

Успенский скит (хутор Савинское) с церковью Успения Божией Матери. (№ 2 на плане)

Иоанно-Богословский скит «Крестик» с церковью Иоанна Богослова (№ 1 на плане)

церквями, расположенными рядом. Административный отдел леноблисполкома поддержал это ходатайство, и в 1929 году вышло постановление президиума леноблисполкома о ликвидации храма. Таким образом, церковь, давшая свое имя обители и с которой начинался Леушинский монастырь, была «ликвидирована» первой.

В том же 1929 году начинается кампания по закрытию остальных монастырских храмов. 16 августа специальная комиссия под руководством начальника Мясинского РАО Пичугина проводит обследование их состояния и «обнаруживает», что Троицкий собор нуждается в срочном ремонте. Этот ремонт верующих обязывают сделать в предельно сжатые сроки и в самый неблагоприятный для проведения строительных работ период. Невыполнение ремонта должно было стать одним из оснований для «ликвидации» леушинских церквей. Но начавшееся в следующем 1930 году выселение монахинь значительно упростило указанную задачу. (После удаления инокинь необходимость в таком большом числе церквей отпала сама собой).

6 марта 1931 года вышло постановление президиума леноблисполкома о закрытии сразу трех храмов: Троицкого собора, «Савинской домовой» (Успенской скитской) и «Крестиковской домовой» (Иоанно-Богословской скитской) церквей.

20 сентября 1931 года секретарь Мясинского райисполкома послал в леноблисполком отчет, в котором сообщил, что ликвидация церквей бывшего Леушинского монастыря произведена, постройки переданы в распоряжение сельсовета для использования под мастерскую профшколы и для общежития учеников ШКМ, все остальное имущество (26 мест) направляется для реализации в Ленинград. Часть малоценного имущества реализована на месте.

В пользовании верующих (уже не монахинь, а простых прихожан) остался всего один храм – собор Похвалы Богородицы. Причем, по-видимому, стремясь искоренить дух Православия на территории бывшей обители, власти передают этот главный монастырский собор обновленцам.⁶

Правда, в ведении раскольников он оставался недолго. Вскоре приход вернулся в юрисдикцию Патриаршей Церкви.

24 сентября 1934 года президиумом Мясинского райисполкома было вынесено решение о закрытии последнего Леушинского храма – собора «Похвалы Богородицы» и направлено ходатайство об утверждении этого решения в леноблисполком. В ходатайстве указывалось, что собор расположен в центре территории школы для трудновоспитуемых, исполнительный орган религиозной общины отказался от пользования храмом. В настоящее время собор находится без надзора и никем не используется, имущество его расхищается воспитанниками школы. При этом было добавлено, что школа для трудновоспитуемых очень нуждается в этом помещении.

15 апреля 1935 года вышло постановление президиума ленинградского облисполкома о ликвидации собора Похвалы Богородицы. А 22-23 мая специальная комиссия произвела реализацию его имущества, которое частично было сдано в Леушинский сельсовет и школу, весь металл передан заготконторе. Некоторая часть перевезена в райфинотдел и сдана коменданту РИКа в кладовую. Иконы и прочее имущество, имевшее на себе позолоту, оставлены в соборе до прибытия представителя из Ленинградского ХОЗО для съемки. Также были оставлены в соборе мраморные плиты с гробницы игумении Таисии.

Ликвидация последнего храма Леушинского монастыря совпала с историческим решением советского правительства, предпринявшего как его судьбу, так и судьбу множества других монастырей и храмов.

14 сентября 1935 года на совместном заседании ЦК ВКП(б) и СНК СССР было принято решение о строительстве гидроузлов у Рыбинска и Углича. В 1941 году было начато заполнение Рыбинского водохранилища, постепенно скрывшего в своих водах Леушинский монастырь. По рассказам старожилов, перед затоплением обитель пытались взорвать, но сделать это не смогли, слишком крепки-

6. В списке молитвенных зданий по Мясинскому району, поданному в леноблисполком в начале 1931 года, собор Похвалы Богородицы значится обновленческим.

ми оказались его стены. Возможно, конечно, что полностью уничтожать постройки обители власти и не думали. Как бы то ни было, колокольня и остов Похвальского собора еще долгое время возвышались над волнами рукотворного моря. Когда уровень водохранилища был высоким, они частично скрывались под водой, когда он опускался, почти полностью показывались над ее поверхностью, что породило легенду о местном (мяксинском) Граде-Китеже, который то исчезает, то поднимается из глубины вод.

Со временем морозы, волны и ветер сравняли с землей все постройки Леушинского монастыря, тем самым, казалось бы, стерев и память о знаменитой обители.

Но она не канула в Лету. Память об обители возрождается. И так получилось, что особое место в деле возрождения памяти о Леушинском монастыре принадлежит жителям села Мякса.

Мяксинский приход и возрождение памяти о Леушинском монастыре

В советские годы община Мяксинского прихода претерпела многочисленные лишения, но сумела при этом сохранить верность Православию. Отраднo заметить, что несмотря на близость к Череповцу (центру обновленческой епархии), она до конца оставалась в юрисдикции Патриаршей Церкви. Крепкая вера и усердие к храму Божию помогли верующим сохранить за собой оба каменных храма (зимний и летний). Случай исключительно редкий, так как в конце 1920-х начале 1930-х годов под давлением властей почти все православные общины Череповецкого и Мяксинского районов, имевшие по 2 храма, вынуждены были отказаться от одного из них.

Активное наступление на верующих началось в 1935 году и достигло своего апогея в печально известном 1937

году, когда расстреляли последнего настоятеля прихода священника Кирилла Голубева, а приходские церкви были отобраны у верующих.

Горько читать архивные документы о закрытии Мяксинских церквей. Верующие, казалось, делали все, чтобы сохранить храмы. Платили немалые налоги и сборы за церковь, проводили дорогостоящие ремонты, но чиновники каждый раз придумывали новый повод, чтобы не дать верующим пользоваться церквями. 21 ноября 1939 года вышло постановление ВЦИК РСФСР о закрытии последнего (Преображенского) храма, поставившее окончательную точку в растянувшейся на несколько лет кампании по закрытию Мяксинского прихода. Началось постепенное разграбление храмов. Старожилы до сих пор с болью рассказывают, как это происходило: с колокольни сбросили колокола, с церковей сняли кресты, разломали иконостасы. Разобрали на кирпичи церковную ограду, колокольню и купола храмов. Здания бывших церквей использовались под разные учреждения. В церкви Рождества Христова в годы войны размещался военкомат, затем (до середины 2000-х годов) узел связи. В алтарной части одно время работал дизель-генератор, подавая свет в дома. Правда, мощность его была небольшая. Свет некоторое время горел, потом гас. В Преображенской церкви долгое время располагались пекарня и мясоперерабатывающий цех. Впоследствии ее здание оказалось бесхозным.

Не обошла стороной Мяксу и трагедия затопления Рыбинского водохранилища. Конечно, само это село в зону затопления не попало, но оно приняло многих переселенцев, сорванных со своих родных мест волевым решением советского государства. Интересно, что в Мяксе поселилось даже несколько монахинь Леушинского монастыря,

Святой праведный Иоанн Кронштадтский читает Евангелие в Леушинском монастыре

сюда перевезли деревянный келейный корпус и чайный домик из закрытой обители. Все это способствовало тому, что Мякса стала хранительницей народной памяти о Леушинском монастыре и других святынях Мяксинской земли, погребенных на дне Рыбинского водохранилища.

Необходимо было только поднять этот пласт памяти на поверхность. И когда нашлись люди, равнодушные к прошлому нашей земли, неожиданно оказалось, что Леушинский монастырь, как древний Град-Китеж, снова поднялся из водных глубин, а людям открылись удивительная красота и величие этого места. И самое главное, мяксинцам открылась духовная преемственность со своим прошлым: и с древними обителями, одушевившими некогда Мяксинский край, и с Леушинским монастырем, который как некий маяк поднялся над этой землей, чтобы осветить им дорогу к спасению, дать увидеть свои духовные корни.

Осознание своей связи с православным прошлым способствовало духовному возрождению Мяксы. Так получилось, что воскрешение памяти о Леушине, воскресило и Мяксинский приход. Не удивительно, что главным праздником Мяксы с момента возрождения прихода становится Рождество Иоанна Предтечи – престольный праздник Леушинского монастыря. В этот день сюда приезжают паломники из окрестных сел и деревень, а также Череповца, Вологды и многих других городов. С 2007 года богослужение в эти дни в Мяксе традиционно возглавляет высокопреосвященнейший Максимилиан, архиепископ Вологодский и Великоустюжский.

Приведем некоторые вехи возрождения Мяксинского прихода.

В июне 2001 года жителями села Мякса была образована религиозная община и принято решение о строительстве нового деревянного храма Преображения Господня.

29 сентября по благословению епископа Вологодского и Великоустюжского Максимилиана состоялась закладка камня в фундамент будущего храма.

В октябре 2002 года в Мяксе открылась воскресная школа.

В 2006 году общине передается здание значительно перестроенной старинной церкви Рождества Христова и принимается решение переоборудовать его под воскресную школу.

В октябре 2008 года после капитального ремонта и внутренней отделки помещений в новом здании воскресной школы отслужен первый молебен перед началом учебного года.

Находка неизвестных автографа Иоанна Кронштадтского и фотопортрета игумении Таисии

В здании отремонтированной Мяксинской воскресной школы я впервые побывал в мае 2009 года. Ее директор Светлана Валериевна Иванова рассказала о своих планах, в числе которых прозвучало желание присвоить школе имя игумении Таисии. Но, по словам директора, для этого необходимо провести серьезную исследовательскую работу по изучению жизни и творчества матушки и истории ее обители, неплохо было бы устроить при воскресной школе музей Леушинского монастыря.

Светлана Валериевна посоветовала, что несмотря на многолетнюю работу, проделанную педагогическим коллекти-

вом и учениками воскресной школы по сбору сведений об обители и ее настоятельнице, находок сделано не так много. В частности, почти неизвестной остается судьба монастыря после революции, история выселения монахинь и закрытия монастырских храмов. Очень серьезной проблемой является отсутствие качественной фотографии игумении Таисии, которую можно было бы увеличить, так как школе необходим большой портрет матушки. Одним словом, проблем имеется немало.

Я пообещал, по мере своих сил, помочь в этом деле, хотя и плохо представлял как. С одной стороны, иконография Леушинского монастыря и его настоятельницы достаточно обширна. Но почти все известные ныне фотографии взяты из дореволюционных книг, качество изображений в которых оставляет желать лучшего. Подлинные фотографии в большинстве своем оказались утрачены.

Оставалось только уповать на помощь Божию в этом деле. И она пришла совершенно неожиданно.

6-7 июля в Мяксе по традиции широко отмечалось Рождество Иоанна Предтечи – престольный праздник Леушинского монастыря. Богослужения в эти дни возглавил Высокопреосвященнейший Максимилиан, архиепископ Вологодский и Великоустюжский.

Торжественное богослужение, крестный ход к поклонному кресту на берегу Рыбинского водохранилища, водосвятный молебен, возглавляемый архиастырем – всё глубоко трогало душу и навевало одновременно горькие и радостные размышления о судьбе затопленных православных святынь, память о которых не смогли уничтожить ни волны рукотворного моря, ни страшные гонения на веру.

Вернувшись из Мяксы, находясь под впечатлением праздника, я долго не мог заснуть. Смежил глаза только под утро. Разбудил меня телефонный звонок. Звонил Леонид Михайлович Ломоносов, житель деревни Шухтово Череповецкого района, который просил приехать, сказав, что ему в руки случайно попала книга игумении Таисии. Это сообщение было настолько неожиданно, что я не сразу поверил своим ушам.

И вот я у Леонида Михайловича, который из большого полиэтиленового пакета стал выкладывать старинные пожелтевшие от времени книги. И среди них... дореволюционную фотографию игумении Таисии и автограф святого праведного Иоанна Кронштадтского! Это было настоящим чудом.

Оказывается родственник Леонида Михайловича Николай Вениаминович Дубов, занимаясь ремонтом купленного им дома в деревне Царево Ягановского сельского поселения, обнаружил под полом тайник. В тайнике находился деревянный сундучок со старинными книгами. Сам сундучок из-за сырости пришел в совершенную негодность, но книги сохранились относительно неплохо. Леонид Михайлович, узнав о находке, попросил передать ему указанные книги. Ознакомившись с их содержанием, он понял, что книги представляют большую историческую ценность, и что их необходимо передать музею. Об этом он и рассказал при встрече.

Вспомнив описанный выше разговор с директором воскресной школы, я предложил Леониду Михайловичу передать находку во вновь создаваемый Мяксинский музей. Леонид Михайлович, согласовав этот вопрос с Николаем Вениаминовичем, дал согласие.

Великое счастье, что в наш век коммерции и наживы,

Автограф Иоанна Кронштадтского на титульном листе книги «Моя жизнь во Христе». Справа – обложка книги

еще остаются такие честные и бескорыстные люди, как Леонид Михайлович Ломоносов и Николай Вениаминович Дубов! Низкий им поклон.

Ознакомившись с находкой более внимательно, я понял, что она действительно бесценна. Во-первых, в числе переданных бумаг оказался автограф святого праведного Иоанна Кронштадтского: дарственная надпись на книге «Моя жизнь во Христе», адресованная игумении Таисии. Вот ее текст:

**«досточтимейшей Игумении
ТАИСИИ
на память**

**Протоиерей Иоанн Сергиев
15 окт[ября] 1892 [года].**

Следует отметить, что книга «Моя жизнь во Христе» была подарена игумении Таисии в период, когда Иоанн Кронштадтский взял на себя духовное окормление не только настоятельницы, но и сестер Леушинского монастыря. В 1891 году он впервые посетил Леушинскую обитель.

В 1892 году игумения Таисия показала отцу Иоанну свои келейные записки, которые получили высокую оценку кронштадтского пастыря, который так охарактеризовал их: «Дивно, прекрасно, божественно! Печатайте в общее название. Прот. И.С. Авг. 21 1892».

О высокой оценке деятельности игумении Таисии говорит и обнаруженная в деревне Царево дарственная надпись на книге «Моя жизнь во Христе». Сделана она была через два месяца после прочтения «Келейных записок». Интересно, что отец Иоанн употребляет превосходную степень: пишет не «досточтимой», а «досточтимейшей», что подтверждает, что святой относился к матушке с очень теплым чувством и высоко ценил ее деятельность на благо Церкви.

Об особом отношении кронштадтского пастыря к игумении Таисии свидетельствует также их переписка. Приведем характерный пример из нее:

«Возлюбленная во Христе Сестра моя Таисия!

Дорогое письмо твое я получил и вместе с ним прекрасные стихи Пресвятой Матери Деве!.. Да, Матушка! Пять талантов дал тебе Господь, и сторицею ты их возвращаешь».

Как видим, святой Иоанн не боялся давать самую высокую оценку деятельности игумении Таисии, ведь подвиг ее, совершенный во имя Господа, переоценить практически невозможно.

Другой ценной реликвией, найденной в деревне Царево, является неизвестная фотография игумении Таисии. К сожалению, точную ее дату установить не удалось. Однозначно мы можем сказать, что она сделана в фотографье Д.И. Быстрова не ранее осени 1914 года с другой фотографии, полученной

либо в конце XIX, либо в начале XX века (не ранее 1892 года). По-видимому, эту фотографию заказала в Петрограде последняя настоятельница Леушинского монастыря игумения Агния уже после смерти матушки Таисии.

На оборотной стороне фотопортрета стоит автограф игумении Агнии:

**«Моей дорогой сотруднице
и неутомимой труженице и сомоливнице
М[онахине] Серафиме от искренне
любящей ее Матери И[гумении] Агнии
1920 Декаб[ря] 30-го»**

Чтобы понять подлинное значение находки неизвестного автографа игумении Агнии, необходимо привести краткую биографическую справку о ней.

Игумения Агния (в миру Анна Никитична Благовещенская) родилась 28 ноября 1868 года в семье причетника Троицкого храма погоста Досифеева Пустынь Череповецкого уезда, располагавшегося недалеко от Леушина. 25 марта 1882 года Анна поступила в Леушинскую общину. 5 апреля 1891 года определена в число послушниц, послушание проходила на клиросе и в рукодельной. В течение 20 лет она состояла старшей послушницей при настоятельских кельях. В Череповецком музейном объединении хранится картина, написанная после 1915 года, действие которой относится к значительно более раннему времени. На картине изображен Иоанно-Богословский скит, игумения Таисия, сидящая на крыльчке с книгой в руках и ее келейница – молодая монахиня, несущая воду из колодца. Эта монахиня и есть будущая игумения Агния.

В 1904 году Анна Благовещенская была назначена помощницей казначеи. После перевода прежней казначеи преподобномученицы Серафимы (Сулимовой) настоятельницей Ферапонтова монастыря Анна заняла ее место. 19 октября 1905 года она была пострижена в монашество с именем Агнии. О матушке Агнии очень тепло отзывался святой пра-

ведный Иоанн Кронштадтский. В одном из писем к игумении Таисии он писал: «За все время моего пребывания в вашей обители я испытывал родную ласку и предупредительность, особенно от тебя, как и от сестер. Особенно от доброй Агнии, которая была для меня лучше родной сестры».

После кончины игумении Таисии Агния была единогласно избрана сестрами настоятельницей. 1 марта 1915 года Высокопреосвященнейший Арсений (Стадницкий), архиепископ Новгородский и Старорусский посвятил монахиню Агнию в сан игумении. Произошло это в Петрограде в храме Леушинского подворья. При вручении посоха архипастырь сказал поучительное слово об обязанностях настоятельницы монастыря, об отношениях настоятельницы к сестрам и сестер к настоятельнице.

Послереволюционные годы стали для игумении Агнии временем непрерывных арестов и гонений. В 1922 году Череповецким народным судом игумения Агния была приговорена к 5 годам высылки, в 1926 году вновь осуждена по статье 58 часть 11. В 1932 году опять была арестована (проходила по делу монахинь Санкт-Петербургского подворья Леушинского монастыря). 29 ноября 1937 года игумению Агнию в очередной раз арестовали и 8 декабря 1937 года тройкой УНКВД по Вологодской области приговорили к высшей мере наказания. 25 января 1938 года последняя настоятельница Леушинского монастыря была расстреляна, приняв мученическую смерть за Христа.

Помимо фотографии и автографа Иоанна Кронштадтского в тайнике находилось двенадцать книг, часть из которых однозначно принадлежали Леушинскому монастырю

Последняя игумения Леушинского монастыря Агния (Благовещенская)

(на них стоит штамп Леушинской учительской школы и Леушинского монастыря). Остальные книги также, по всей видимости, находились в личной библиотеке одной из монахинь, скорее всего, матушки Серафимы – той самой, которой игумения Агния подарила фотографию матушки Таисии и которую она называла в 1920 году своей «дорогой сотрудницей и неутомимой труженицей, и сомолитвенницей».

По-видимому, монахиня Серафима есть никто иная, как последняя казначея Леушинского монастыря. В 1922 году она вместе с игуменией Агнией была арестована по делу о конфискации церковных ценностей, но вскоре выпущена на свободу как «не принимавшая непосредственного участия» в сокрытии ценностей.

По рассказам старожилов, больше она арестам не подвергалась и доживала свой век относительно спокойно. Косвенным подтверждением факта, что владелицей книг была казначея Серафима является и сам текст надписи игумении Агнии и то обстоятельство, что в ее руках оказалась очень дорогая для монахинь Леушинской обители реликвия – автограф святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Пока остается открытым вопрос, как оказался сундучок с реликвиями Леушинского монастыря в деревне Царево, расположенной за сто с лишним километров от обители. Скорее всего, либо сама монахиня, либо одна из сестер, близко ее знавшая, после выселения из монастыря поселилась в деревне Царево. Косвенно эту версию подтверждают местные старожилы, утверждающие, что в доме Николая Вениаминовича Дубова раньше жила какая-то старика, возможно, бывшая монахиня. Правда, архивных подтверждений этому нам пока обнаружить не удалось.

Как бы то ни было, у нас нет никаких сомнений, что книги, найденные в деревне Царево, принадлежали одной из монахинь Леушинского монастыря. И не столь важно, каково ее подлинное имя. Главное, что она в годы гонений на веру смогла уберечь эти бесценные для нас сокровища Леушинской обители. И только особым промыслом Божиим можно объяснить, что именно в дар Мьяксинской воскресной школе, готовящейся принять имя игумении Таисии, были переданы эти редчайшие реликвии. (Насколько нам известно, ни один музей до сих пор не имеет подобный автограф Иоанна Кронштадтского, адресованный лично игумении Таисии). Поэтому нам остается только порадоваться за учеников и преподавателей Мьяксинской школы и пожелать, чтобы они были достойны этого дара. И тогда их будут ждать еще более удивительные находки.

**Михаил Мальцев,
г. Череповец**

Игумения Таисия. Фотография и надпись на обороте

